

— Ладно, ладно. Не надо обо мне беспокоиться. Заботься о себе, береги себя — и всё будет отлично.

Гу Сяодун почувствовал, как хмель окончательно ударил в голову. С глуповатой улыбкой он благодушно похлопал Гу Цзиньюя по руке, державшей его за плечо. Сяодун искренне пытался следовать его логике, надеясь, что это поможет усмирить гнев названного брата.

Но тот лишь оцепенел.

— Уже поздно, Сяодун. Если вы с Цзиньюем хотите поговорить по душам, почему бы вам не зайти в дом?

Позади раздался негромкий голос Су Минья. Гу Сяодун, пошатываясь, обернулся и сладко протянул:

— Молодой господин Су...

От этого нежного лепета Гу Цзиньюй сделался ещё мрачнее.

Сяодун попытался потянуть Гу Цзиньюя за руку к крыльцу. Шатаясь и не выпуская его ладони, он принялся заплетающимся языком осыпать его заботливыми расспросами:

— Сэньцин, а ты давно вышел из затвора, а? Глаза-то... не болят от света? Почему ты не отдыхаешь? Если я тебе нужен, отправил бы Догоревшего фитиля, пусть бы он меня клюнул, я бы сам прибежал! Или ты... ты к молодому господину Су пришёл?..

Не дойдя до яшмовых ступеней, Гу Цзиньюй резко вырвал руку. Окутанный волной ледяного раздражения, он не проронил ни слова — лишь развернулся и стремительно зашагал прочь.

Гу Сяодун растерянно моргнул и, качаясь, устремился следом. Гу Цзиньюй шёл размашисто, не разбирая дороги, и на повороте с глухим стуком врезался плечом в столб перголы, увитой глициниями. Сделав вид, будто ничего не произошло, он резко свернул и скрылся из виду, даже не замедлив шага.

Хмель окончательно одурманил разум Сяодуна. Поняв, что не угонится за ним, он лишь озадаченно почесал в затылке, глядя вслед беглецу.

В его хмельной голове родилась смутная догадка: верно, Гу Цзиньюй пришёл к нему сразу после того, как его выпустили из темницы. Глаза, привыкшие к крошечной тьме, ещё не приспособились к дневному свету, и ему сейчас отчаянно требовался покой.

Эх, бедолага... Вечно его названный брат ходит по тонкому льду. Жалко его до глубины души.

Бормоча что-то под нос, Гу Сяодун поплёлся назад сквозь цветочную арку. Стоило ему поднять взгляд на спускающегося по ступеням Су Минья, как сердце его снова дрогнуло от нежности.

Ах, болезненный красавец молодой господин Су... такой хрупкий, точно ива на ветру. Ещё один бедолага.

Но этот, маленький, вызывал куда больше жалости, чем тот, большой. Совершенно потеряв голову от вина, Сяодун подбежал к Су Минья, уткнулся лбом ему в грудь и принялся ластиться, тихонько и жалобно сопя:

— Молодой господин Су... Цзиньюй на меня сердится. Если он больше не захочет быть моим братом... как мне вернуть его дружбу, а?

Су Минья едва сдержал улыбку. Ему ещё никогда не доводилось видеть Гу Цзиньюя, спасающегося столь позорным бегством, и это зрелище доставило ему глубокое удовольствие.

Он мягко положил ладонь на макушку Сяодуна и принялся нежно поглаживать его по волосам, вкрадчиво шепча:

— Ничего страшного. У него слишком высокая гордость, примириться с ним будет непросто. Но не забывай: у тебя есть я. Я никогда не оставлю тебя одного.

Сяодун, вконец разморенный вином и усталостью, безвольно сползал по плечу Су Минья. В его затуманенном сознании, точно картинки в бумажном фонаре, замелькали обрывки прошлого. Он вспомнил те дни, когда его названный брат Чжан Дэнцин из-за внезапной беды спешно покинул его. Тогда именно Гу Цзиньюй сидел рядом и утешал его, уверяя: «Даже если твой брат ушёл, это неважно. Ведь у тебя остался я».

Всё повторилось с поразительной точностью.

Су Минья обнял обмякшего, хмельного глупыша. Сладкое торжество вытеснило даже вьевшуюся горечь целебных отваров. Когда слуги поспешили вперёд, чтобы забрать у него ношу, он жестом приказал им отступить и сам, бережно поддерживая юношу, отвёл его в гостевые покои.

Он уложил Сяодуна на постель. Тот опьянел уже настолько, что едва соображал: обхватил Су Минья за талию, уткнулся носом в сгиб его локтя и свернулся калачиком, сделавшись мягким и податливым, словно сладкое тесто.

Приятное волнение в груди Су Минья сменилось странным порывом. По всем правилам приличия ему следовало бы оттолкнуть пьяного мальчишку и позвать слуг, чтобы те обмыли его. Однако вопреки здравому смыслу он резко скомандовал шагнувшему было к кровати слуге:

— Вон. И запри дверь снаружи.

Слуга опешил, его голос дрогнул от испуга:

— Но господин Гу... он весь в пыли и хмелю, боюсь, он оскорбит вас своим видом...

Су Минья одарил его холодным, предупреждающим взглядом. Поняв, что спорить смертельно опасно, слуга попятился назад, бесшумно притворил за собой дверь и исчез.

В комнате воцарилась тишина. Су Минья с удовольствием прижал к себе спящего юношу. Его большой палец стёр дорожку слезы с щеки Сяодуна и замер на ямочке у рта. Кожа в этом месте была нежной, точно шёлк, дразня и лишая воли.

Палец скользнул к мягкой бусинке верхней губы. Су Минья вдруг вспомнилось, как в детстве, сидя на коленях у матери, он перебирал привезённый к празднику отборный жемчуг. Чем чище и ярче сияли жемчужины, тем сильнее ему хотелось растереть их в порошок. Вот и сейчас, лаская эти губы, он испытывал непреодолимое желание смять их, подчинить себе.

Он тихо рассмеялся, склонился ниже и заглянул в безмятежное лицо Сяодуна. Но в конце концов лишь нежно коснулся губами ямочки на его щеке.

Пусть это сокровище уже не было безупречно чистым — кто-то оставлял укусы на его шее, кто-то целовал его раньше... Су Минья было всё равно. Главное, чтобы к нему не прикасался Гу Цзиньюй.

Проснувшись поутру, Гу Сяодун обнаружил, что его левая лодыжка снова распухла — расплата за пьяную погоню за Гу Цзиньюем. Но ноющая боль беспокоила его меньше всего. Полный тревожных мыслей, он поспешил к управляющему Чжу Ми, надеясь разузнать хоть что-то.

Чжу Ми, как всегда, сохранял олимпийское спокойствие:

— Четвёртый молодой господин вернулся из поездки раненым, да и пребывание в темнице его подкосило. Сейчас он восстанавливает силы, так что в ближайшие дни вы его вряд ли увидите.

— Вот как... — Сяодун понурился. — Ему и так тяжело, а тут ещё я со своими глупостями разозлил его. Вечно я создаю проблемы.

Чжу Ми покачал головой:

— Позволю себе заметить, господин Гу, что с вашим кузеном всё в порядке. Занимайтесь своей учёбой в академии и не тревожьтесь. Его битва происходит не здесь, а на его чувства вы можете не обращать внимания — рано или поздно он во всём разберётся.

Гу Сяодун лишь почесал затылок:

— Надеюсь, мы поскорее помиримся... Главное, чтобы он не разлучил меня с Догоревшим фитилем. Наша межвидовая дружба священна!

Ведь без этой трудолюбивой верной птицы он лишился бы возможности отправлять письма домой.

Понимая, к чему он клонит, Чжу Ми промолчал.

Сяодун вспомнил ещё об одном:

— Кстати, поговаривают, будто в академии меня считают жалким подражателем, во всём копирующим Цзиньюя. Сам я ничего подобного не слышал, но почему Цзиньюй говорит об этом так, будто вся округа только это и обсуждает?

— А вы действительно подражаете четвёртому молодому господину? — вопросом на вопрос ответил управляющий.

Сяодун честно кивнул:

— Ну да. Но только наедине с собой и самую малость, по верхам. До его ума мне всё равно как до луны.

— Вот в этом всё и дело, — многозначительно произнёс Чжу Ми.

— В чём? Мне просто не везёт? — Сяодун коснулся шеи сзади. — Ладно бы я перенял его таланты и стал великим учёным — тогда это обвинение звучало бы заслуженно. Но в моём случае это даже на кривое кривляние не тянет! Какой из меня подражатель?

Чжу Ми выдавил слабую улыбку:

— У вас... весьма оригинальный взгляд на вещи и завидная стойкость духа.

Так и не получив внятного ответа, Сяодун распрощался с управляющим. Он прилежно посещал теоретические занятия, а во время уроков боевых искусств неизменно сбегал в Бамбуковый дворик к Су Минья. Чтобы поднять юноше настроение, молодой господин Су велел доставить

из семейного поместья целую стопку редчайших медицинских трактатов и щедрым жестом подарил их Сяодуну, побуждая его учиться втайне от всевидящего ока клана Гу.

У Сяодуна от такого подарка едва глаза на лоб не полезли.

— Всё это мне? Правда, совсем всё?

— Проси что угодно — я всё тебе отдам, — Су Минья баловал его всё сильнее. — Мне лишь хочется, чтобы мой маленький друг почаще улыбался и не изводил себя из-за Цзиньюя.

Сяодун растрогался до глубины души. Он обеими руками вцепился в ладонь Су Минья и восторженно запричитал:

— Су, великий благодетель! Су, небесный небожитель! Ты, верно, сошёл из чертогов бессмертных, чтобы спасти меня, ничтожного червяка? Ты не просто мой друг, ты настоящее сокровище! Как мне отблагодарить тебя за всё?!

Су Минья скользнул взглядом по его ямочке на щеке и мягко улыбнулся:

— Просто будь со мной.

О лучшем Сяодун не смел и мечтать. С того дня он стал невыносимо навязчивым: стоило ему переступить порог Бамбукового двора, как выдворить его обратно было невозможно. Даже когда его лодыжка полностью зажила и пришло время возвращаться в собственную комнату, он упирался до последнего.

Но в начале седьмого месяца повеяло прохладой ранней осени, и Су Минья слёг.

Каждая смена времён года неизменно приносила ему простуду — в борьбе с этим недугом он успел накопить богатейший опыт. Семья Су порывалась забрать его домой на лечение, но он наотрез отказался: возвращаться в поместье казалось ему скучной затеей. В уединении Бамбукового двора было куда приятнее.

К тому же дома не было очаровательного и ласкового Сяодуна, без которого Бамбуковый дворик мгновенно утратил бы своё очарование.

Гу Сяодун совершенно не боялся заразиться — его крепкое здоровье простуды обходили стороной. Он преданно ухаживал за больным, и это занятие казалось ему на удивление привычным и приятным, будя детские воспоминания.

Су Минья был выше его ростом, но из-за жара и приступов астмы совсем ослаб. Несколько раз он в полузабытьи опускался на грудь Сяодуна, его тело пылало, глаза влажно блестели из-под

полуопущенных век, дыхание срывалось на хриплый шёпот, а плечи мелко дрожали.

У Сяодуна от такой картины сердце готово было разорваться от нежности по сто раз на дню.

К седьмому числу седьмого месяца болезнь понемногу отступила, оставив лишь лёгкую слабость. Су Минья не хотелось никуда выходить, и он объявил, что всё ещё тяжело болен, отклонив все приглашения чанлоской знати. Семья потакала любым его прихотям, и Бамбуковый дворик превратился в тихую, отрезанную от мира обитель.

В полдень Су Минья сидел у окна. В левой руке он держал небольшую чашу, наполненную колотым льдом, чтобы унять жар, а правой лениво перебирал пальцы устроившегося рядом Сяодуна. Голос его после затяжного кашля слегка охрип, что придавало его словам особую мягкость:

— Сяодун, сегодня Праздник седьмого вечера. Тебе незачем сидеть здесь со мной взаперти, шёл бы, погулял с другими.

Сяодун надул губы и серьёзно произнёс:

— Больному человеку больше всего нужно тепло и забота! Как я могу тебя оставить? И не подумаю!

Су Минья тихо, слабо улыбнулся и прикрыл веки. Сяодун залюбовался его утомлённым, но необычайно красивым лицом.

Заметив этот пристальный взгляд, Су Минья не открывая глаз вздохнул:

— Опять ты на меня смотришь.

— Ну конечно, — закивал Сяодун. — Ты ведь такой красивый, молодой господин Су. Чаша со льдом очень холодная?

Су Минья открыл глаза и пристально посмотрел на него:

— Возьми кусочек... и сам узнаешь.

— Взять?

— Угу.

Су Минья повернул чашу, кончиками покрасневших от жара пальцев достал ровную льдинку.

Сяодун решил, что тот хочет угостить его, послушно приоткрыл рот и потянулся губами навстречу.

Но Су Минья неожиданно отправил ледяной шарик в собственный рот.

Сяодун заволновался:

— Ой, у тебя же лихорадка! Зачем ты холодное ешь, желудок застудишь...

Договорить он не успел. Су Минья вдруг притянул его к себе за затылок и накрыл его губы своими.

Сяодун оцепенел. Все его чувства сосредоточились в этой точке соприкосновения: горячее дыхание Су Минья и обжигающий холод льдинки, которую тот бережно перекатил языком ему в рот.

Разомкнув объятия, Су Минья слегка отвернулся. То ли от жара, то ли от смущения мочки его ушей впервые заметно порозовели.

— И правда... холодно, — ошарашенно пробормотал Сяодун, перекатывая языком льдинку. Ждать, пока она растает, было слишком долго, и он просто проглотил её.

Холод заставил его вздрогнуть. Сяодун шумно выдохнул, придвинулся к Су Минья почти вплотную и с хитрой ухмылкой уставился на него:

— А молодой господин Су меня поцеловал!

Су Минья хранил молчание. Сяодун продолжал наступать, капризно качая головой:

— Неужели благородный старший молодой господин Су решит пойти на попятную и всё отрицать?

После долгого молчания Су Минья со смешком опустил взгляд:

— Ты первый начал ко мне ластиться.

— Ну да, я так просто не отстану. Но ведь и ты меня не прогоняешь, — Сяодун потёрся кончиком носа о его шею и прямо спросил: — Молодой господин Су, я тебе нравлюсь?

Сердце Су Минья пропустило удар. На мгновение он лишился дара речи.

Слово «нравиться» казалось ему слишком примитивным, личным, почти грубым — словно его, утончённого аристократа, внезапно выволокли на деревенскую пашню.

Но Сяодун упрямо ждал ответа, глядя на него своими чистыми, полными жизни глазами. Наконец Су Минья подумал: конечно, он его не любит. Да и как мог бы полюбить?

Но этот мальчишка его забавлял. Ему хотелось поиграть с ним — легко, без обязательств, изящно и небрежно.

В конце концов, в его хрупком теле едва ли теплилось много надежд на долгое будущее. Так почему бы не предаться этой невинной забаве прямо сейчас?

И Су Минья едва заметно кивнул.

Сяодун сперва остолбенел, а затем густо покраснел. Прошло немало времени, прежде чем он пролепетал что-то едва слышным шёпотом.

— Что ты сказал? — не расслышал Су Минья.

— Я говорю... — Сяодун набрал в грудь воздуха и выпалил на одном дыхании: — Я хочу поцеловать тебя по-настоящему!

Су Минья замер, а затем тихо рассмеялся:

— Хорошо.

Сяодун медленно, дюйм за дюймом, приблизился к его лицу и робко чмокнул его в щёку.

В ушах Су Минья гулко застучала кровь. Сдерживая улыбку, он мягко коснулся пальцем собственных губ:

— Сюда.

Сяодун растерянno смотрел на него несколько мгновений:

— М-мне... правда можно? Т-ты сам разрешил, чур потом не жаловаться!

Он картинно потёр ладони, словно дикий зверь перед броском, осторожно придвинулся ближе и прижался своими губами к губам Су Минья. Это было простое, робкое касание.

Су Минья позволил ему ласкать свою верхнюю губу, но стоило Сяодуну отстраниться, как он крепко обхватил его за талию, прижал к своей груди и углубил поцелуй. Горячий язык скользнул внутрь. Сяодун послушно приоткрыл рот, и этот невинный жест перерос в томительный, глубокий поцелуй, лишивший обоих дыхания.

Когда они наконец оторвались друг от друга, Сяодун уткнулся носом в его плечо и показал два указательных пальца:

—... Ровно год.

Су Минья крепче прижал его к себе, голос его прозвучал глухо:

— Что?

— Год назад, именно в этот день, я впервые попал в поместье Гу и встретил тебя по дороге, — тихо пояснил Сяодун. — Мне полагалось идти с опущенной головой, но любопытство взяло верх, я поднял глаза и больше не мог отвести взгляда...

Сяодун с детской искренностью описывал свою любовь с первого взгляда. Его простые слова почему-то показались Су Минья невероятно соблазнительными. Он бесцеремонно приподнял лицо юноши за подбородок и снова поцеловал его, заставляя замолчать.

Он твердил себе, что это лишь игра. Вот только с каждым прикосновением ему хотелось целовать его всё дольше, обнимать всё крепче, словно это мимолётное увлечение затягивало его в бесконечный, прекрасный сон.

Вслед за седьмым числом седьмого месяца быстро пролетело время, и наступило третье число восьмого месяца — день рождения второй молодой госпожи Гу Жухуэй. На следующий день, четвёртого числа, должен был праздновать именины Гу Пинхань, но он находился в другой области и приехать не мог, так что всё внимание досталось Гу Жухуэй.

Благодаря заступничеству Су Минья, Сяодун получил редкую возможность присутствовать на празднике сестры.

Поначалу он робко заикнулся об этом перед Фэнъэнем, но получил вполне ожидаемый вежливый отказ. Позже, болтая без умолку перед Су Минья, он вскользь упомянул о своей обиде среди сотни других пустяков, и молодой господин Су запомнил его слова.

В итоге вечером второго числа восьмого месяца Су Минья, перебирая пальцы Сяодуна, невзначай спросил:

— Малыш, завтра я иду на день рождения твоей второй сестры. Хочешь пойти со мной?

Сяодун от изумления едва не подпрыгнул:

— А? Конечно хочу! Но разве мне можно? Князь с княгиней ведь сквозь землю готовы провалиться, лишь бы я не позорил семью перед гостями. Как тебе это удалось?

Су Минья ласково провёл прохладной ладонью по его волосам и коснулся щеки, в его жесте сквозила собственническая нежность:

— Стоит захотеть — и преград не останется.

Сяодун округлил глаза и показал ему большой палец:

— Вот она, великая сила власти!

Су Минья рассмеялся, перебирая пальцами мочку уха юноши:

— Не забивай себе голову этими глупостями. Приходи сегодня вечером в Бамбуковый дворик, завтра утром поедем вместе. Только сними одну серьгу, две — слишком заметно. Праздник у твоей сестры вряд ли покажется тебе весёлым. Тебе придётся либо сидеть за детским столом, либо наложить простой грим и следовать за мной в роли слуги. Что выберешь?

Сяодун поначалу хотел выбрать детский стол — с тех пор как он попал в поместье Гу, ему ещё ни разу не доводилось видеть беззаботных детей.

Но не успел он ответить, как Су Минья с усмешкой добавил:

— Впрочем, дети из благородных семей лишь телом малы, а умом да хитростью превзойдут многих взрослых.

У Сяодуна по спине пробежал холодок, и он тут же отбросил эту мысль:

— Ну уж нет, лучше я буду твоим слугой. Посмотрю на всё со стороны, а если решишь уйти пораньше, заберёшь меня с собой.

— Послушный мальчик, — Су Минья склонился и запечатлел на его губах долгий поцелуй.

На следующее утро Сяодун проснулся ни свет ни заря, полный небывалой энергии.

Эту поездку на именины родной сестры он воспринимал как возможность исправить досадное упущение прошлого года.

Слуга Су Минья оказался на редкость искусным мастером: после недолгих приготовлений Сяодун бросился к зеркалу и восторженно захлопал в ладоши.

Черты его лица изменились до неузнаваемости, но больше всего его порадовал оттенок кожи — здоровый, бронзовый загар. Сяодун уже забыл, когда выглядел таким крепким и загорелым. Теперь этот «чужой» облик казался ему куда ближе к настоящему себе, чем бледное лицо благородного господина.

Су Минья, уже облачённый в парадные одежды, зашёл взглянуть на него и не смог сдержать улыбки. Он притянул юношу к себе, легонько ущипнул за щёку и с притворным испугом прошептал, глядя на его серьгу:

— Краска держится крепко. Что будем делать, если этот грим никогда не смоется?

Сяодун пришёл в восторг:

— Серьёзно?! Да это же предел моих мечтаний!

Су Минья лишь покачал головой. Порой причудливый ход мыслей Сяодуна ставил его в тупик, хотя разгадывать эти загадки ему было вовсе не обязательно.

Сяодун, преобразившись в маленького книгоношу, едва не светился от счастья. На протяжении всего пути он то и дело расплывался в улыбке. Су Минья несколько раз оборачивался на него и всякий раз, видя его сияющее лицо, испытывал странную смесь нежности и лёгкой досады.

Празднество в честь Гу Жухуэй должно было длиться с полудня до глубокой ночи. Всё это время знатные мужи и благородные дамы Чанло вели нескончаемые, утомительные разговоры. В этих чинных беседах не было ни капли искреннего веселья — лишь сухой расчёт и фальшивые улыбки.

Членов семьи Гу Сяодун так и не увидел: князь Гу Янь и госпожа Ань Жои, по всей видимости, принимали гостей в других покоях. Следуя за Су Минья сквозь парадные залы, он успел наслушаться десятков пустых приветствий, с которыми к его молодому господину обращались молодые дворяне. От былой весёлости Сяодуна вскоре не осталось и следа.

Он невольно вспомнил пятнадцатое число пятого месяца — день рождения Гу Цзиньюя, который по совпадению был и его собственным днём рождения. Должно быть, его названный брат праздновал его точно так же, среди этой удушающей роскоши.

Наконец наступил полдень, и гостей пригласили к столам. Су Минья усадили за стол, где

собралось не более восьми человек — все давние знакомые.

Сяодун, как и подобает слуге, скромно встал поодаль, но это не мешало ему внимательно следить за происходящим и жадно прислушиваться к чужим разговорам.

Некоторые лица показались ему смутно знакомыми, словно приветы из прошлой жизни.

Он заметил Гэ Дунчэня и Гуань Юньци, сменивших привычные белые одежды учеников академии на парчовые халаты с изысканной вышивкой. Они сидели рядом с рослым юношей в тёмном одеянии. Пальцы Гуань Юньци двигались с невероятной быстротой, заставляя серебряный блеск кружить в воздухе. Лишь когда движение прекратилось, Сяодун с изумлением разглядел в его руке тонкий Нож Крылья Бабочки.

Сяодун понадеялся, что клинок не заточен — иначе Гуань Юньци рисковал остаться без пальцев при подобных фокусах.

Однако в следующее мгновение Гуань Юньци ловким движением наколот этим ножом спелую виноградину с общего блюда и почтительно поднёс её сидевшему рядом знатному юноше.

Нож был острым как бритва.

Сяодун тихо охнул, почувствовав фантомную боль в собственных пальцах. Мастерство Гуань Юньци вызывало у него одновременно и восхищение, и сильную тревогу.

Вскоре его любопытство разгорелось с новой силой: кем же был этот таинственный гость, если сам заносчивый молодой господин Гуань так заискивал перед ним?

Гэ Дунчэнь тоже не оставался в стороне. Знатный юноша лениво крутил в пальцах чарку с вином и обратился к нему:

— Дунчэнь, как поживает твой многоуважаемый отец? Если у него найдётся свободная минута, я бы хотел снова взять у него пару уроков фехтования.

Гэ Дунчэнь усмехнулся и угодливо наполнил его чашу, сохраняя безупречный баланс между почтением и дружеской развязностью:

— Премного благодарен вашему высочеству за заботу. Мой отец днюет и ночует в трёх великих военных лагерях. Он настолько занят, что предоставил мне полную свободу, так что я расту сам по себе, точно сорная трава. Если в Чанло составят список самых неблагодарных сыновей, моё имя наверняка окажется на первой строчке.

За столом раздался дружный смех, а у Сяодуна внутри всё сжалось от подступившего гнева.

Он мгновенно понял, кто сидит перед ним.

Второй принц Гао Минцянь — сын благородной супруги Гуань. Тот самый человек, из-за которого ровно год назад его названный брат Чжан Дэнцин в одночасье был изгнан из поместья Гу и отправлен на службу в далёкие гарнизоны за тысячи ли от столицы.

Сяодун до боли сжал кулаки.

В этот момент в зале появилась виновница торжества — Гу Жухуэй. На ней было платье редкого оттенка светлой киновари. Яркий цвет наряда поразительно контрастировал с её холодным, неприступным выражением лица, что придавало молодой госпоже особое, завораживающее очарование.

Второй принц Гао Минцянь тут же поднялся ей навстречу и, мягко улыбаясь, заговорил с ней с высоты своего роста.

Сяодун едва сдерживал бушевавшую в груди ярость, как вдруг его взгляд столкнулся со взглядом вошедшего в зал человека.

Гу Цзиньюй оставался верен своему стилю: на нём был тёмно-красный халат с едва заметным узором, а отросшие волосы были аккуратно собраны. Рядом с ним шла юная особа в чёрном воинском облачении мужского кроя. Несмотря на юный возраст, в её осанке и чертах лица сквозило неоспоримое величие императорского рода.

Глубокий, пронзительный взор Гу Цзиньюя пронзил праздничную суету и остановился прямо на Сяодуне. Тот вздрогнул, словно от удара молнии: неужели названный брат сумел распознать его под слоем искусного грима? Это казалось невозможным — слуги Су Минья знали своё дело, и никто из прежних знакомых по академии даже не посмотрел в его сторону.

Внезапное появление Гу Цзиньюя помогло Сяодуну унять гнев. Он по-прежнему злился, но теперь всё его внимание было приковано к сплетням, доносившимся из-за стола.

Вскоре он разобрался в тонкостях отношений собравшихся за столом вельмож. Гу Жухуэй и Гао Минцяня упоминать не стоило, а сопровождавшая Гу Цзиньюя девица оказалась третьей принцессой Гао Минсин, сбежавшей из дворца ради забавы.

Гу Цзиньюй занимал почётное место Компаньона по учебе наследной принцессы и пользовался благосклонностью третьей принцессы. Гуань Юньцзи доводился второму принцу двоюродным братом по материнской линии. Старшая сестра Су Минья носила титул Благородной супруги, а её дочь была четвёртой принцессой — следовательно, Су Минья приходился ей дядей. Что касается Гэ Дунчэня, то его отец некогда обучал воинскому искусству всех трёх императорских отпрысков.

Словом, за этим столом, не считая болезненного Су Минья, не было ни одного простого человека.

Сяодун быстро заметил, что его молодого господина за столом откровенно игнорируют. Лишь Гу Жухуэй высказала вежливое беспокойство о его здоровье, да третья принцесса задала пару дежурных вопросов. Остальные четверо демонстративно не замечали Су Минья.

Впрочем, молодому господину Су не было до этого дела. Вежливо поздравив именинницу и едва прикоснувшись к еде, он сослался на недомогание и покинул пиршество.

Сяодун поспешил за ним. Уходя, он кожей почувствовал направленный ему в спину тяжёлый, мрачный взгляд. Он не сомневался, что этот взор принадлежал Гу Цзинью.

Стоило им выйти за ворота, как Су Минья обернулся к нему:

— Мой маленький обжора проголодался?

Сяодун невольно рассмеялся:

— Молодой господин, не нужно на меня клеветать! С чего это я вдруг стал обжорой?

Су Минья нежно коснулся пальцем его ямочки на щеке:

— Пока мы сидели за столом, я отчётливо слышал, как твой живот выводит унылые трели.

Сяодун растерянno похлопал себя по плоскому животу:

— Правда, что ли?

Су Минья тихо рассмеялся и, взяв его за руку, не спеша повёл в сторону Бамбукового дворика, изредка прерываясь на глухой кашель:

— Я не только слышал бунт в твоём животе, но и заметил, что ты сам не свой. Что случилось? Неужели праздник сестры тебя так разочаровал?

Сяодун на мгновение замялся, а затем недовольно хмыкнул:

— Не считая двух любезных барышень, остальные четверо вели себя так, словно сговорились извести тебя своим молчанием. Ты терпел обиду, а мне от этого не по себе.

— Если не считать второго принца... — Су Минья крепко сжал пальцы Сяодуна и тихо усмехнулся: — Неужели ты до сих пор не понял, почему отношение остальных троих ко мне так резко изменилось?

Сяодун растерялся:

— Без понятия. С Цзиньюем всё более-менее ясно, но вот эти двое господ... Честно говоря, меня это злит. Хотя я заметил, что тебя их пренебрежение только радует. Не понимаю.

Су Минья лишь загадочно улыбнулся, оставив его вопрос без ответа. Сяодуну не оставалось ничего другого, как вернуться в Бамбуковый дворик, смыть грим и выместить всё своё недоумение на сытном обеде.

Су Минья пребывал в добром расположении духа. Посреди трапезы он велел подогреть кувшин вина. Сам он пить не мог, а Сяодун не посмел отказать хозяину и осушил чарку. За первой последовала вторая. Сяодун никогда не умел держать чувства при себе, и вскоре хмель развязал ему язык — он со всей силы хлопнул кулаком по столу:

— Мой брат! — запричитал он, едва не плача. — Мой брат Дэнцин! Ровно год назад он оставил меня! Ох, как же у меня на душе тошно!

Он схватил кувшин и допил вино прямо из горлышка.

Су Минья нарочно напоил его, желая облегчить его душу, но не ожидал, что обычно весёлый Сяодун сорвётся на такую безутешную тоску. Когда он отобрал у юноши кувшин, тот уже качался из стороны в сторону, размазывая слёзы по лицу и жалобно зовя своего названного брата.

— Довёл себя до слёз... — Су Минья жестом приказал слугам удалиться и притянул рыдающего Сяодуна к себе, пытаясь успокоить. Он то и дело целовал его в заплаканное лицо, понимая, что пользуется его слабостью, но не в силах остановиться. Чем сильнее плакал Сяодун, тем глубже и неистовее становились его поцелуи.

В самый разгар их ласк за дверью раздался голос слуги: пришёл Гу Цзиньюй. Он объявил, что на семейное застолье клана Гу приглашён и «Гу Шаньцин», и он прибыл, дабы забрать его.

Против такого предлога возразить было нечего.

Су Минья и не думал спорить. Он лишь склонился к самому уху Сяодуна и тихо прошептал:

— Твой названный брат пришёл забрать тебя. Пусть он немного подождёт, хорошо?

Сяодун, на которого хмель действовал безотказно, лишь невнятно мычал, утыкаясь ему в плечо и изредка всхлипывая, зовя брата.

Гу Цзиньюй прождал четверть часа, прежде чем войти в Бамбуковый дворик. Переступив порог главного зала, он застал картину, от которой у него потемнело в глаза.

Гу Сяодун со следами слёз на лице крепко спал, зарывшись лицом в плечо Су Минья и обнимая его так преданно, словно перед ним было тёплое зимнее одеяло.

— Прошу прощения. Сегодня Шаньцин был сам не свой, выпил лишнего и уснул, — Су Минья сделал вид, будто пытается осторожно высвободиться, но сонный Сяодун, принявший его в полусне за своего названного брата, лишь крепче вцепился в его одежду.

Гу Цзиньюй вежливо улыбнулся:

— Ничего страшного. Я заберу его в Западный сад процветания.

Он подошёл ближе, бесцеремонно ухватил Сяодуна за затылок и легко, словно огромный волкодав, уносящий беспомощного щенка, отделил его от Су Минья. Сяодун, оказавшись в его руках, снова перепутал его со своим названным братом и покорно прильнул к его груди.

Гу Цзиньюй без труда поднял его на руки. Юноша казался ему лёгким, точно ребёнок. Бросив взгляд на уткнувшегося в его плечо Сяодуна, Гу Цзиньюй поднял глаза на Су Минья и учтиво улыбнулся:

— Су, старый друг, благодарю за заботу о нашем Шаньцине. Нам пора.

Су Минья ответил столь же безупречной, привычной улыбкой:

— О чём ты, Гу, старый друг? Наши семьи связывает давняя дружба, к чему эти церемонии?

Обменявшись дежурными любезностями, Гу Цзиньюй развернулся и зашагал прочь. Стоило им покинуть покои, как маски вежливости слетели с их лиц, уступив место ледяной враждебности.

Гу Цзиньюй мрачно нёс спящего Сяодуна прочь из Бамбукового дворика. Едва они миновали порог, как захмелевший юноша тихонько захрапел и сладко зачмокал губами. Этот забавный звук мгновенно разогнал скопившуюся в груди Гу Цзиньюя злобу.

Они шли в полном молчании. Гу Цзиньюй направлялся к жилым постройкам Восточного

лесного сада. По дороге сверху спустился Догоревший фитиль и уселся ему на плечо. Птица и человек в унисон принялись разглядывать спящего Сяодуна.

Гу Цзиньюй шёл не торопясь, не сводя взгляда с заплаканного лица юноши, и в его душе вновь и вновь поднимались тяжёлые думы. Он взвешивал каждое своё чувство.

Взвешивал долго и тщательно.

Раньше он стремился стать для Гу Сяодуна самым близким человеком, тем, на кого можно опереться в любую минуту — так было бы проще использовать его в будущем. Этой цели он достиг. Но он никак не ожидал, что чувства Сяодуна окажутся столь глубокими, не поддающимися никаким расчётам. В его преданности таилась чистая, сокрушительная любовь.

До появления Гу Сяодуна Гу Цзиньюй не знал, что это такое.

Его собственное сердце давно превратилось в сухой деревянный обрубок. Клан Гу воспитал его идеальным оружием, лишив способности чувствовать. Он не ведал ни страха, ни привязанности — точь-в-точь как Гу Пинхань или сам князь Гу Янь.

Говоря красиво, он не поддавался мирской суете и держал разум в чистоте. Но если бы ему пришлось вскрыть собственную душу и признаться самому себе, ответ был бы прост: он был мёртв внутри.

Один небожитель знает, какое смятение охватило его, когда он узнал, что не является родным сыном семьи Гу. Все подавленные чувства лавиной хлынули наружу, выжигая всё на своём пути. В тот миг он желал лишь одного — освобождения.

Тогда он думал:

«Почему этот настоящий молодой господин, Гу Сяодун, не вернулся раньше?»

Ему хотелось отдать ему всё: бесконечные стопки книг, изнурительные тренировки, удушающую темноту затвора, грязь семейных тайн, ночные кошмары и неподъёмную волю предков, которой его пичкали с детства.

Ему, фальшивому сыну, следовало бы вернуться туда, откуда его взяли — в вольный мир боевых искусств, пусть даже нищим и безродным.

Но Гу Сяодун вернулся слишком поздно. Настолько поздно, что имя «Гу Цзиньюй» уже навеки приросло к нему намертво.

Гу Цзиньюй впервые возненавидел собственные труды. Если бы он не тренировался днями и

ночами, то не получил бы так быстро право стать Компаньоном по учебе наследной принцессы. Тогда он, возможно, дождался бы возвращения настоящего сына в статусе безликого обитателя дальних покоев, а после спокойно ушёл бы на волю.

Не приложил нечеловеческие усилия, чтобы вырваться из оков поместья Гу. И вот теперь, когда одна его нога уже перешагнула порог императорского дворца, а вторая оставалась зажатой в тисках семьи, лишая возможности сделать шаг назад или вперёд, появился Гу Сяодун.

Как же сильно он ненавидел этого запоздавшего вестника!

Но ещё сильнее его злило то, что Гу Сяодун искренне не таил на него обиды.

В глазах этого простодушного юноши богатство и роскошь казались объедками со стола, а власть и положение — никчёмной шелухой. Свобода, искренность, способность любить и быть любимым — вот что было его истинной пищей.

Гу Цзиньюй едва не сошёл с ума от злости, глядя на эту невинную чистоту.

Он не мог представить, в какой невероятной свободе и любви должен был расти Гу Сяодун, чтобы сохранить столь светлую и радостную душу.

Цзиньюй отчаянно хотелось стащить его вниз, лишить этого солнечного света и швырнуть в зловонную пропасть великих кланов.

Так продолжалось до тех пор, пока он впервые не покинул Чанло и не отправился в дальние земли — туда, где, как ему казалось, прошло вольное детство Сяодуна. Там он понял, что вольный мир боевых искусств таит в себе не меньше опасностей. Везде, куда бы ни занесла судьба, жизнь человека полна угроз.

Если бы Гу Пинхань не провалил осенние экзамены, он бы сейчас остался в столице, поступил на службу в Академию Ханьлинь, прослужил пару лет учёным мужем и выгодно женился, как Ань Чжэньвэнь. А затем шаг за шагом за десять лет поднялся бы к вершинам власти.

Так проходит жизнь — тридцать лет сладкого сна, в котором никто не знает, сбылись ли его заветные мечты.

Изначально Гу Цзиньюй должен был пройти тем же путём.

Узнав о своём происхождении, он попытался бежать. И в тот миг, когда его конь пал, а настигшие преследователи мечом сбили половину его заколки, он, словно очнувшись от долгого сна, вспомнил о странном, необычайном Гу Сяодуне.

Сяодун умудрялся сохранять внутренний свет даже под тяжестью кандалов. В этом проклятом месте сотни людей ненавидели и презирали его за чистоту, мечтая увидеть, как он сломается, станет чёрствым и злым, уподобившись им самим.

Но до сегодняшнего дня Сяодун оставался прежним — лёгким и светлым.

Гу Цзиньюй больше не ненавидел его. Он превратил Сяодуна в свой идеал ещё до того, как успел осознать, что полюбил его.

Идеал чист и возвышен, но желание плотское и грязное.

Он неотрывно наблюдал за ним со дня их встречи в двенадцатом году эры Небесного Предначертания до нынешнего, семнадцатого года.

Его путь пролёг от растерянного преклонения перед чистотой к осознанному, обнажённому вожделению.

Том второй. Семнадцатый год эры Небесного Предначертания

<http://bllate.org/book/20609/2178455>